

ПИСЬМА Н. В. НЕДОБРОВО К БЛОКУ

Предисловие, публикация и комментарии М. М. Кралина

Николай Владимирович Недоброво (1882—1919) — поэт, драматург, критик, филолог — одна из примечательных и не до конца еще оцененных фигур в литературной жизни предреволюционного Петербурга¹. «Тонкой цепью любви и уважения к Н. В. Недоброву были связаны многие деятели современности»², среди которых можно назвать Андрея Белого, Вяч. Иванова, М. А. Волошина, Анну Ахматову, О. Мандельштама.

В памяти современников Недоброво остался не столько благодаря своим произведениям (он печатался сравнительно редко), сколько как личность, «законодатель вкусов», «известный ревнитель словесности», как он сам себя назвал в письме к Блоку. Блестящая характеристика Н. В. Недоброво дана в книге О. Мандельштама «Шум времени»: «Язвительно-вежливый петербуржец, говорун поздних символистских салонов, непроницаемый, как молодой чиновник, хранящий государственную тайну, Недоброво появлялся всюду читать Тютчева, как бы представлятельствовав за него»³. Об «ощущении несовременности», исходившем от Недоброво, пишет и Ю. Л. Сафонова-Слонимская в «опыте портрета» Недоброво, но она же добавляет: «Он казался не связанным со своей эпохой, хотя и был в мысли своей, в духовной сути своей самым современным из современников, <...> он был человеком своей эпохи, быть может, наиболее полно и наиболее самоотверженно ее воплотившим»⁴.

Н. В. Недоброво, по возрасту близкий к «среднему» поколению русских символистов, не принадлежал к какому-нибудь одному литературному направлению, представляя в глазах современников фигуру несколько загадочную. Это была «душа в маске», если воспользоваться названием его повести, печатавшейся на страницах «Русской мысли»⁵, человек, весь обращенный в XIX в. «Поэзию он считал возглавляемой единым богом, Пушкиным, хотя и любил других. В Петербурге он мечтал создать журнал, в котором сотрудники должны были бы следовать пушкинской сдержанности и строгости прозы, избегая того расплывчатого и неточного, что было потом внесено в русскую прозу»⁶. Весь склад личности Недоброво, настроенной на волну «иного века» («Внешность Н. В. носила очаровательные следы «дандизма» — всегда элегантно одет, блистал какой-то тончайшей манерой ухода за собой. . .» — вспоминала близко знавшая его В. А. Знаменская⁷), вызывал сопротивление у некоторой части литературных кругов, особенно принадлежавших к лагерю футуризма⁸. Ближайший друг Недоброво, художник и поэт Б. В. Анреп, свидетельствовал, что «многие поэты считали его крайним снобом и определенно не любили его»⁹. Но другая часть литературной молодежи, та, которой дороги были идеалы Пушкина, Тютчева, Фета, считала Недоброво учителем. «На суд Недоброво доверчиво несли свои произведения молодые поэты, а его приговоры и мнения быстро воспринимались и усваивались многочисленными слушателями», — писал много лет спустя поэт А. Кондратьев¹⁰.

Наиболее сильное влияние оказал Недоброво на молодую Анну Ахматову, которая, подводя итоги своего пути, считала себя как поэта «на $\frac{3}{4}$ сделанной» Недоброво¹¹, а его статью в «Русской мысли» о ее творчестве «лучшим, что написано о молодой Ахматовой»¹².

Свидетельством благожелательного внимания Недоброво к молодым являются и первые три из публикуемых ниже писем его к Блоку, в которых Недоброво хлопочет за своего младшего друга по Харьковскому университету (где он вначале учился) — начинающего поэта А. Белецкого. Хлопоты эти не пропали даром, — А. И. Белецкий, известный впоследствии советский ученый, академик, по свидетельству А. А. Гозенпуда, всегда с глубочайшим уважением вспоминал о Н. В. Недоброво, считая его своим учителем. В по-смертно опубликованных воспоминаниях А. И. Белецкого, которые могут служить прекрасным комментарием к публикуемым ниже письмам, автор рассказывает о его совместном с Недоброво визите к Блоку¹³. Кстати, письмо Недоброво позволяет уточнить дату

визита: он состоялся не в конце 1907 г., как утверждается в воспоминаниях А. И. Белецкого и в дополняющей их публикации М. Бронного¹⁴, а 2 января 1908 г. Видимо, Недоброво, не надеясь на рекомендательное письмо г-жи Менделеевой, сам взялся сопровождать молодого поэта.

С Блоком Недоброво был знаком с университетской скамьи. Он приехал в Петербург 30 августа 1903 г.¹⁵, будучи «переведен в число студентов Санктпетербургского университета»¹⁶. К этому времени относится позднейшая дневниковая запись А. А. Ахматовой: «. . . еще вспомнила, что Блок на экзамене в Университете ответил на вопрос профессора: «Что такое «Chansons de Geste?» — «Песни, сопровождаемые телодвижениями» (слышала от Н. В. Недоброво), кот «орый» вместе с Блоком готовился и держал экзамен»¹⁷.

Первое упоминание имени Недоброво у Блока — в его записной книжке от 29 декабря 1906 г.: «Проекты Недоброво (на vernissag'e) и мысли о здешнем большом журнале» (ЗК, 87). Недоброво, будучи организатором по природе, любил разного рода «проекты»: об одном из них, связанном с именем Блока, он упоминает в своем дневнике:

«1. X. 05. Суббота. Петербург.

Несколько раз дружески беседовал в Университете с Блоком. Все это делается для того, чтобы устроить академию — собрания талантливых мужчин и приятных женщин, которые должны привести к организации новой литературной и, даже шире, вообще художественной партии с главенством Бори и моим, на основании наших мыслей и на том, что Авреп и Недоброво величайшие поэты всех времен и народов»¹⁸.

В 1905 г. Недоброво предпринимал первые попытки войти в литературный мир, и его «проекты» носят несколько наивный, дилетантский характер (в число членов предполагаемой «академии» загодя включены как начинающие поэты — Блок, Авреп, Белецкий, так и просто окололитературные дамы Е. П. Магденко, Т. М. Девель). Однако через несколько лет Недоброво становится одним из активных членов настоящей «Академии» (так называли в дружеском кругу «Общество ревнителей художественного слова», учрежденное при редакции «Аполлона»). Членом Совета «Общества» был Блок. Дальнейшие их встречи происходили преимущественно на заседаниях этого общества, о чем свидетельствуют записи в дневниках и записных книжках Блока.

3 декабря 1911 г. Блок председательствовал на очередном заседании «Общества», мучительно ощущая свое одиночество среди «умного до глупости народу» (VII, 100). Среди всей публики Блок особо (курсивом) выделяет Недоброво: «Хороший Недоброво — и жена его» (там же).

Незадолго до этого Блок посылает Недоброво свой новый сборник стихов «Ночные часы», и в ответном письме тот приветствует обращение поэта к «простой жизни», преобразованной «иномирным обаянием» блоковского творчества.

Весной 1913 г. Недоброво основал в Петербурге «Общество поэтов». На первом заседании «Общества» 4 апреля 1913 г. Блок читал свою драму «Роза и Крест» (Недоброво на этом же заседании делал доклад «О связи некоторых явлений русского стихотворного ритма с дыханием»). В письме к Л. Д. Блок поэт так описывал впечатление от этого чтения: «Вчера я читал «Розу и Крест» среди врагов, светских людей, холодных «нововременцев». Внутренне очень боролся и, кажется, победил. < . . . > Мне было тяжело эти дни, но сегодня я чувствую возбуждение от борьбы и думаю, что был вчера живым среди мертвых. Да, путь еще верный пока» (VIII, 414). «Живой среди мертвых» — так определил свою позицию сам поэт. Налет салонности на «раутах», устраиваемых на квартире Недоброво, где собирались члены «Общества», отталкивал Блока, видевшего в разговорах о литературе ради литературы только светскую болтовню. «Говорун» Недоброво становился посредником между ним и литературными «мертвецами». В начале 1914 г. в блоковской записной книжке появляется запись: «Недоброво зовет к себе на Вячеслава (Иванова. — М. К.) и других друзей. Я опять не пойду» (ЗК, 203). С этого времени пути Блока и Недоброво окончательно расходятся. В 1915 г. Н. В. Недоброво заболевает туберкулезом и отходит от активной литературной жизни. Последние годы жизни он проводит на юге, в Крыму, где находится на лечении. Умер Н. В. Недоброво 3 декабря 1919 г. в Ялте.

Публикуемые 3 письма и 1 записка Н. В. Недоброво к Блоку находятся в архиве А. А. Блока (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 348). Ответные письма Блока неизвестны. Возможно, они погибли на квартире Н. В. Недоброво в Царском Селе, где находилась большая часть его архива.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Личность и судьба Н. В. Недоброво наиболее подробно описаны в двух статьях Ю. Л. Сазоновой-Слонимской: «Николай Владимирович Недоброво (опыт портрета)». — «Русская мысль», 1923, № 7—8, и «Николай Владимирович Недоброво». — «Новое русское слово». Нью-Йорк, 26 мая 1954 г., № 153. Из новейших работ см.: В. М. Ж и р м у н с к и й. Творчество Анны Ахматовой. Л., «Наука», 1973, с. 42—43; Р. Д. Т и м е н ч и к. Ахматова и Пушкин. Заметки к теме. — «Пушкинский сборник», вып. 2, Рига, 1974, с. 32—55.

² Ю. Л. Сазонова-Слонимская. Николай Владимирович Недоброво (опыт портрета), с. 290.

³ О. Э. М а н д е л ь ш т а м. Шум времени. Л., 1929, с. 80.

⁴ Ю. Л. Сазонова-Слонимская. Николай Владимирович Недоброво (опыт портрета), с. 291.

⁵ Н. В. Недоброво. Душа в маске. — «Русская мысль», 1914, № 1.

⁶ Ю. Л. Сазонова-Слонимская. Николай Владимирович Недоброво.

⁷ ГПБ, ф. 1088, оп. 791а, ед. хр. 80, архив В. А. Знаменской.

⁸ См., напр.: Б. Л и в ш и ц. Полутораглазый стрелец. Л., 1933, с. 267.

⁹ ГПБ, ф. 1088, оп. 791а, ед. хр. 90, архив В. А. Знаменской.

¹⁰ А. А. К о н д р а т ь е в. «Юдифь» Недоброво. — «Вольнское слово», Ровно, 28 марта 1924 г., № 683.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 104, л. 22 об.—23.

¹² На экземпляре статьи Недоброво, подаренной Вере Алексеевне Знаменской (1892—1968) А. А. Ахматова написала: «Милой Вере — лучшее, что написано о молодой Ахматовой. 21 ноября 1964». — ГПБ, ф. 1088, оп. 791а, ед. хр. 295, архив В. А. Знаменской.

¹³ Воспоминания А. И. Белецкого со вступительной статьей И. Я. Айзенштока опубл. в сб.: «Искусство слова». М., «Наука», 1973, с. 401—402.

¹⁴ Об одном эпизоде биографии Блока (публикация М. Бронного). — «Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975, с. 177—178.

¹⁵ ИРЛИ, ф. 201, ед. хр. 37. Архив Н. В. Недоброво.

¹⁶ ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 41674. Дело студента Н. В. Недоброво.

¹⁷ ГПБ, ф. 1073, оп. 1, ед. хр. 162. Архив А. А. Ахматовой.

¹⁸ ИРЛИ, ф. 201, ед. хр. 37. Архив Н. В. Недоброво.

1

1.1.08. Гагаринская 36

Многоуважаемый Александр Александрович!

Я уже писал Вам на днях — в рассеянности по прошлогоднему адресу — о моем друге и примечательном поэте Александре Ивановиче Белецком¹. Обычно он живет в Харькове, где состоит при Университете, а теперь приехал в Петербург, желая, чтобы с его творчеством случилось по Писанию: «и слово плоть бысть»². Он будет у Вас завтра (2-го) с письмом от г-жи Менделеевой³.

Мне бы хотелось, чтобы психологическим основанием Вашей встречи с ним был интерес к нему, а не досадливость. Поэтому я и предупреждаю Вас, что он заслуживает внимания.

Он чудный наблюдатель и тонкий обличитель жизни, с весьма ловкими приемами. Вы непременно заставьте его прочесть Вам рассказ «Богоборец» и обрывки поэмы «Чистилище», которую он теперь сочиняет.

Я бы очень хотел, чтобы Ваша оценка его совпала с моею. И, может быть, Вы меня известите об этом.

За одно: как дело с Мейерхольдом?

Вам душевно преданный Недоброво

¹ Александр Иванович Белецкий (1884—1961) — известный советский литературовед, академик. Белецкий был всего на два года моложе Недоброво, но всю жизнь относился к нему как к своему учителю.

В 1902 г. Недоброво учился на историко-филологическом факультете Харьковского университета. К этому времени относится его знакомство с А. И. Белецким.

² Евангелие от Иоанна, гл. 1, с. 1.

³ Имеется в виду Анна Ивановна Менделеева (1860—1942), вторая жена Д. И. Менделеева, теща Блока. Письмо ее к Блоку с рекомендацией А. И. Белецкого (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 330) частично опубликовано в кн.: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 2. Письма к Александру Блоку. М., 1979, с. 322.

2

Многоуважаемый Александр Александрович!

Сам пошлю завтра в «Золотое Руно» заказной бандеролью рассказ Белецкого «Богоборец» и три указанные Вами стихотворения: «Сатану», «Тюремного попа» и «Под звуки граммофона», ибо путешествовать им в Харьков, а оттуда в Москву вряд ли нужно. Но затем я напишу Белецкому, чтобы он послал еще что-нибудь и т. д., как Вами сказано.

Не откажите поэтому написать в «Руно» и завтра же, если можно ¹.

Вам душевно преданный Недоброво

¹ Произведения А. И. Белецкого в «Золотом руно» не печатались.

3

8.III.10. Кавалергардская 20, тел. 115—57

Многоуважаемый Александр Александрович!

Мой друг Александр Иванович Белецкий, который год тому назад был у Вас, по рекомендации г-жи Менделеевой, вместе со мною, желал бы вступить в «Общество ревнителей художественного слова». Так как он человек приезжий, знакомых у него здесь нет, для вступления же в общество нужна рекомендация двух членов, а Вы, между тем, немного знакомы с его литературным творчеством и занимаете в Обществе высокий пост члена Совета, то я и прошу Вас рекомендовать его. Если Вы согласны исполнить эту мою просьбу, то, в зависимости от того, что Вам покажется проще, напишите об этом либо мне — и я покажу письмо Кузмину — либо непосредственно к Кузмину, сославшись, что вторым рекомендуемым являюсь я ¹.

Простите меня за беспокойство.

Вам душевно преданный Недоброво

¹ Письмо Блока к М. А. Кузмину, в котором он присоединяется к рекомендации Недоброво, опубл. в статье Г. Г. Шмакова «Блок и Кузмин (новые материалы)». — «Блоковский сб.», 2, с. 362.

4

22.XI.11. Кавалергардская 20

Дорогой Александр Александрович!

Позвольте мне от души благодарить Вас за присылку «Ночных часов», получение которых тем более меня тронуло, что оказалось для меня неожиданным.

Книга Ваша произвела на меня самое глубокое впечатление: многое, должно быть, надо оставить за спиной, чтобы так непосредственно приотронуться к простой жизни, ничего не потеряв из того особенного, иномирного обаяния, которое может быть близко названо только прилагательным от Вашего имени. Оттого и велика разоблачающая сила «Ночных часов».

Если я перечислю несколько заглавий: «Под шум и звон», «Весенний день прошел», «Грустя и плача», «Мой жестокий», Вы увидите, какие стороны Вашего творчества особенно на меня воздействуют.

Стихотворения о России — тем, в чем они ее касаются — затронули меня меньше, и, верно, потому, что Россия представляется мне гораздо менее пестрой, чем Вам, но более архитектурной. Поистине, наши годы — не время завершения, и, кажется, Вы поторопились, укорив ее стихом: «Но до Царьградских святынь не дошла» ¹.

Известный ревнитель словесности, я, конечно, нашел в книге несколько внешних погрешностей — против русского языка; но я же упивался естественной напевностью стихов, при которой Вам можно, как в «Мае жестокое», три раза поставить в рифму один и тот же глагол и, вопреки правилам, существующим для тех, кому они должны заменять уши, сделать стихи чарующими именно этим.

Я бы уже давно написал это письмо, да только вчера узнал Ваш адрес у В. И. Иванова.

Еще раз сердечно благодарю Вас. Вам душевно преданный

Недобр о в о

¹ Об отношении Недоброво к России см. в ст. Ю. Л. Сазоновой-Слонимской «Николай Владимирович Недоброво (опыт портрета)», с. 293—294. Интересно сопоставить слова «и, кажется, Вы поторопились, укоров ее стихом: «Но до Царьградских святых не дошла с тем, что пишет Сазонова: «Духовное содержание России было важнее всего для него, и то, что называли его «империализмом» — мечта о влиянии на Востоке — было желанием озарить венцом России древнюю Византию».